

Научная статья
УДК 327
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/136-151>

Государства и негосударственные акторы в структуре социально-экономических отношений России и Северной Кореи

Антон Александрович Киреев
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, antalkir@yandex.ru

Аннотация. В статье дан сравнительный анализ моделей государственного управления социально-экономическими отношениями России и Северной Кореи в их развитии с начала 1990-х по начало 2020-х гг. Прослеживаются различия в воздействии пограничных политик государств на крупные компании, сосредоточенные на официальном уровне трансграничных отношений, и малых акторов, сконцентрированных на их неформальном уровне. Сделан вывод о большей эффективности северокорейской модели управления трансграничными отношениями двух стран, основанной на тесной кооперации государства, госкомпаний и теневого бизнеса.

Ключевые слова: *Россия, КНДР, пограничная политика, трансграничные отношения, санкции, контрсанкционная политика*

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-00605, <https://rscf.ru/project/24-28-00605/>

Для цитирования: Киреев А. А. Государства и негосударственные акторы в структуре социально-экономических отношений России и Северной Кореи // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19. № 1. С. 136–151. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/136-151>

Original article
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/136-151>

States and non-state actors in the structure of socio-economic relations between Russia and North Korea

Anton A. Kireev
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, antalkir@yandex.ru

Abstract. The article provides a comparative analysis of the models of public administration of socio-economic relations between Russia and North Korea in their development from the early 1990s to the early 2020s. The article traces the differences in the impact of state border policies on large companies operating at the official level of transborder relations and small actors concentrated at their informal level. It concludes that the North Korean model of managing transborder relations between the two countries, based on close cooperation between the state, state-owned companies and shadow businesses, is more effective.

Key words: *Russia, DPRK, border policy, transborder relations, sanctions, counter-sanctions policy*

The research is accomplished under the Russian Science Foundation, grant No. 24-28-00605, <https://rscf.ru/project/24-28-00605/>

For citation: Kireev A. A. States and non-state actors in the structure of socio-economic relations between Russia and North Korea // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19. No. 1. P. 136–151. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/136-151>

Границу с КНДР по праву относят к наиболее необычным участкам пограничного периметра России. При этом до сих пор очень часто своеобразие этого участка границы ассоциируется прежде всего с исключительно высокой степенью его закрытости и жесткостью государственного контроля над пересекающими этот рубеж отношениями. Такое стереотипное представление, тесно связанное с устоявшимся образом застывшего в своем развитии тоталитарного режима КНДР, довольно близко отражает реалии тридцатилетней давности, но едва ли помогает понять современное функционирование границы двух стран. Граница РФ и КНДР и сегодня не утратила глубокой специфики. Однако это вовсе не специфика реликтового явления, пережившего свое время. Она заключена в соседстве двух существенно расходящихся по устройству и величине общественного потенциала систем, которые используют разные модели пограничной открытости, т.е. разные способы государственного управления трансграничной активностью негосударственных акторов.

Целью этого исследования будет выявление особенностей управления активностью негосударственных участников социально-экономических отношений России и КНДР со стороны государственных органов двух стран и применение выявленных особенностей для объяснения тенденций динамики

этих отношений. Рассматриваемые особенности формировались путем длительной, отчасти стихийной, эволюции на основе двух гораздо более сходных моделей пограничной политики, сложившихся в период, когда оба сопредельных государства являлись членами одного (хотя и тогда далеко не однородного) "соцлагеря". Поэтому хронологические рамки исследования охватят три десятилетия истории российско-северокорейских отношений – с момента дипломатического кризиса между СССР и КНДР в 1990 г. до преддверия кардинального поворота во взаимодействии РФ и КНДР, произошедшего в 2024 г. Кросс-национальное сопоставление пограничных политик России и КНДР будет дополняться и уточняться историческим сравнением различных этапов в их развитии.

Статья состоит из двух основных частей и заключения. В первой части статьи будет описана сравнительная эволюция пограничных политик¹ России и КНДР с начала 1990-х по начало 2020-х гг., выделены наиболее значимые изменения в их объектах, целях и методах. Вторая часть будет посвящена характеристике эффектов российской и северокорейской пограничных политик, их воздействия на активность негосударственных участников двусторонних отношений. В заключении автор представит обобщающую оценку роли государственных органов РФ и КНДР в долгосрочной динамике социально-экономических отношений двух обществ.

Козволюция пограничных политик РФ и КНДР

Основные вехи международных отношений РФ и КНДР за последние три десятилетия определялись общей геополитической ситуацией в мире и СВА и изменениями в трактовке сторонами интересов своей национальной безопасности. Роль России, как геополитически более мощной стороны, в отношениях двух государств, как правило, являлась ведущей. Вместе с тем, и КНДР, опираясь прежде всего на свою ракетно-ядерную программу, время от времени удавалось оказывать на динамику межгосударственного взаимодействия значимое влияние.

Первый крупный период в развитии российско-северокорейских отношений начался еще до распада СССР, когда в 1990 г. советское руководство в целях "разрядки" и преодоления "блоковой конфронтации" пошло на признании РК. Последовавшее за этим аннулирование Москвой союзнических, военно-политических обязательств перед КНДР, привело к резкому охлаждению в межгосударственных отношениях. Северокорейское правительство стало воспринимать Россию как часть враждебного ей империалистического окружения. В свою очередь, российские власти игнорировали КНДР как обреченный на скорое исчезновение пережиток тоталитарного прошлого.

В конце 1995 г. межгосударственные отношения РФ и КНДР вступили в следующий, второй период своей истории. Он характеризовался попытками российской стороны возобновить фактически прерванные контакты с правительством КНДР. Предпосылками к этому были разочарование руководства России в перспективах равноправного участия в клубе "цивилизованных" держав и смена его западцентричного курса на многовекторный. Однако политическая нормализация между РФ и КНДР в 1995–1999 гг. происходила крайне медленно. С российской стороны это было связано с общей недооценкой важности интересов национальной безопасности и представлением о периферийности КНДР в контексте этих интересов. Со стороны же Северной Кореи, этот процесс тормозился сохраняющимся недоверием к постсоветской правящей элите России, сомнениями в ее способности последовательно проводить самостоятельную внешнюю политику.

Переход к третьему периоду в истории межгосударственных отношений двух стран, произошедший в 2000 г., после подписания ими Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве и визита в Пхеньян В. В. Путина, вновь стал результатом изменений прежде всего в политике Москвы. Централизация полномочий, консолидация и расширение ресурсной базы российского правительства способствовали росту его внешнеполитической активности. При этом место первоочередного предмета российской внешней политики за-

¹ Под пограничной политикой в статье понимается деятельность по управлению трансграничными отношениями в территориальных пределах суверенитета данного государства.

няли проблемы национальной безопасности, остроту которых к началу 2000-х гг. не замечать было уже невозможно. В то же время, значение КНДР в ракурсе этих проблем объективно возросло: все более вероятный военный, а тем более ядерный, конфликт на Корейском полуострове и возможное поглощение Северной Кореи союзным США южнокорейским государством представляли серьезную угрозу для восточных регионов России. Осознание этого подталкивало российское руководство к созданию нового, прагматичного механизма взаимодействия с северокорейским режимом, который мог бы обеспечить его политическую и экономическую поддержку.

Межгосударственные отношения РФ и КНДР в 2000–2024 гг.² не отличались стабильностью. Они имели волнообразный характер: спады в них были связаны в основном с принятием Советом Безопасности (СБ) ООН в ответ на развитие ракетно-ядерной программы КНДР очередного пакета санкций³. Участие России в принятии этих санкций (что стало очевидным к концу данного периода) диктовалось не столько ее собственными интересами, сколько неготовностью вступать в прямое противостояние с коллективным Западом и контролируемым им международным сообществом. Тем не менее, общий курс на политическую поддержку КНДР, как необходимого для России компонента в глобальном балансе сил, в этот период не прерывался [2, с. 373–375].

Межгосударственные отношения РФ и КНДР, взаимные внешние политики их правительств являлись каркасом для всех остальных форм взаимодействия сторон. Жесткая внешнеполитическая рамка задавала определенный коридор возможностей для пограничных политик двух стран и, в конечном счете, для регулируемых ими трансграничных, межобщественных отношений. Вместе с тем, пограничные политики РФ и КНДР испытывали воздействие внутренних ситуаций в обеих странах, внутренних политик государств и интраграницных общественных отношений, формировавшихся в борьбе различных трактовок интересов национального развития. В силу такой двойной обусловленности пограничные политики сторон имели собственную, относительно автономную, динамику и периодизацию.

Российская пограничная политика традиционно более тесно связана с внешней политикой и интересами национальной безопасности и мало чувствительна к интересам развития. Эта ее особенность проявляла себя в постсоветский период и на границе с КНДР. В первые годы после распада СССР пограничная политика РФ на этом участке сохраняла, по сути, "реликтовый" характер. Несмотря на резкое сокращение военного присутствия на границе и ее декларируемое "открытие" для международного сотрудничества, главной целью этой политики по-прежнему оставалось обеспечение пограничной охраны и контроля. При этом, эффективность последних существенно снизилась. Начавшаяся стихийная трансформация экономических связей с КНДР российскими властями, как на центральном, так и во многом региональном уровне, в эти годы (1990–1996 гг.) в целом игнорировалась.

Лишь спустя некоторое время после возобновления межправительственных контактов с Пхеньяном, российское правительство приступило, наконец, к реорганизации социально-экономических отношений с соседом. В конце 1996–1997 гг. Россия подписала с КНДР ряд соглашений, касавшихся различных сфер сотрудничества – от инвестиций до культуры. Их стимулирующее воздействие на трансграничные отношения сторон в общем оказалось несущественным. Наибольшее практическое значение среди подписанных документов имело Соглашение о взаимных поездках граждан (январь 1997 г.). Оно впервые переводило въезд и пребывание трудовых мигрантов из КНДР в России на визовую основу. Тем самым российские власти пытались ограничить незаконную деятельность северокорейских граждан на территории страны. Аналогичную задачу решало и заключенное в декабре 1999 г. Соглашение о сотрудничестве в области лесного комплекса. Соглашение возлагало на КНДР обязательства по обеспечению соблюдения гражданами и организациями этой страны российского законодательства, административно-трудового и хозяйственного управления корейской рабочей силой и своевременного вы-

² Летом 2024 г. эти отношения вступили, судя по всему, в качественно новую фазу.

³ Такие пакеты принимались в 2006, 2009, 2013, 2016 и 2017 гг. [23, с. 8–9].

езда ее из РФ [19]. В эти же годы силовые органы занялись выявлением правонарушений со стороны северокорейцев, находившихся в южных регионах РДВ, результатом чего стали выдворения мигрантов и закрытие некоторых представительств КНДР [9, с. 66, 71; 24, с. 85]. Таким образом, реальным, а не декларативным содержанием российской политики в отношении трансграничных связей с КНДР в 1997–2000 гг. было не их развитие, а решение вопросов общественной безопасности, "наведение порядка"⁴.

Договор 2000 г. создал предпосылки для интенсификации социально-экономического сотрудничества сторон. Однако только в 2001 г. было подписано первое соглашение (о сотрудничестве железнодорожных ведомств двух стран [19]), ознаменовавшее переход российской пограничной политики на границе с КНДР от "наведения порядка" к некому новому курсу. Этот курс, проводившийся в 2001–2013 гг., можно назвать политикой "корпоративного сотрудничества". Ее суть состояла в продвижении Россией масштабных проектов по созданию трансграничной инфраструктуры с участием крупного бизнеса. Предполагалось, что их реализация будет происходить на трехсторонней основе (РФ, КНДР, РК) и поспособствует не только решению социально-экономических задач, но и поддержанию мира и безопасности на Корейском полуострове. К числу важнейших инициатив подобного типа можно отнести проекты транскорейских железной дороги, газопровода и энергомострали [3].

Значительно меньше внимания российские власти в этот период уделяли развитию двусторонних связей на уровне малого и среднего бизнеса и населения. Наиболее примечательным шагом в данной сфере стало подписание в августе 2007 г. Соглашения о временной трудовой деятельности граждан одного государства на территории другого государства. Это Соглашение расширило возможности трудоустройства граждан КНДР в России, разрешив наем северокорейских рабочих не только российским юридическим, но и физическим лицам [19; 24, с. 86]. Этим документом, российской сторона, по существу, легализовала практику, которая к тому времени (с одобрения властей КНДР) была уже достаточно широко распространена.

Политика "корпоративного сотрудничества" 2001–2013 гг. в целом не оправдала связывавшихся с нею ожиданий. Ограниченность экономических возможностей КНДР и настроенная позиция, занятая РК, не позволили реализовать ни одного из продвигавшихся Россией инфраструктурных проектов. Единственным осязаемым их результатом стало строительство в 2008–2013 гг. участка железной дороги от Хасана до Раджина и реконструкция к 2014 г. угольного терминала в порту последнего. Определенным успехом России явилось также утвержденное в 2014 г. после длительных переговоров соглашение об урегулировании задолженности КНДР по кредитам [1, с. 592–593; 26, р. 284–288]. Решение проблемы долга создавало условия для предоставления Пхеньяну новых кредитов и оживления торгово-инвестиционного сотрудничества. Однако очередное изменение международно-политической ситуации на Корейском полуострове помешало дальнейшему расширению трансграничных связей сторон.

После наложения СБ ООН, сначала в 2013, а затем в 2016 и 2017 гг., широких запретов на международные расчеты, экспорт и импорт товаров и вывоз рабочей силы КНДР [23, с. 8–9], взаимодействие российских компаний с этой страной было практически парализовано. Социально-экономические отношения между двумя странами во многом вернулись к тем формам и объемам, которые были характерны для них в 1990-е гг. В условиях ухода трансграничных потоков "в тень" на первое место в российской пограничной политике вновь вышли правоохранительные задачи, приоритет "наведения порядка". При этом, в отличие от периода 1997–2000 гг., когда подобный курс обосновывался интересами собственной безопасности России, в 2014–2017 гг. он мотивировался в неменьшей степени взятыми ею на себя международными обязательствами. Хотя в этот период сторонам удалось подписать ряд новых правовых документов (в т.ч. в сфере транспортного и энергетического сотрудничества), их реализация (за исключением договоров, посвященных борьбе с трансграничной преступностью) была заморожена [17; 19].

⁴ Об алармистских настроениях в отношении мигрантов из КНДР на РДВ см. [27].

Переломным в политике России на границе с КНДР стал 2018 г. Показательно, что осенью этого года российские представители впервые поставили перед СБ ООН вопрос о смягчении санкционного режима в отношении Северной Кореи [1, с. 594; 26, р. 286]. К этому моменту Россия сама оказалась в плотном кольце разнообразных ограничений, вызванных событиями на Украине. При этом, как показало принятие в США в октябре 2017 г. закона СААТSA⁵, режим антироссийских санкций получил долгосрочный и экстерриториальный статус. Нарастающее давление со стороны Запада подталкивало российское руководство к переоценке своего участия в санкциях против КНДР.

Под влиянием этих факторов в 2018–2024 гг. складывается новая модель регулирования трансграничных отношений с КНДР – политика "параллельного сотрудничества". Она состояла в поощрении (постепенной дебарьеризации) наряду с официальными, формальными отношениями между крупными компаниями, менее формализованных двусторонних связей с участием малого и среднего бизнеса. Масштаб таких участников трансграничных отношений, их непубличность, "невидимость" в международном информационном поле, позволяли им выстраивать различные схемы обхода торговых, инвестиционных и миграционных барьеров, непреодолимых на официальном уровне. Для российского правительства, которое, с одной стороны, не могло добиться снятия санкций с КНДР, а с другой, пока не было готово на их открытое нарушение, подобная двухуровневая пограничная политика была способом сохранения сотрудничества с важным во многих аспектах, но "неудобным" соседом [17; 20, с. 117].

По существу, политику "параллельного сотрудничества" можно рассматривать как специфическую форму контрсанкционной политики. Она стала апробацией ряда мер по смягчению негативного эффекта санкций еще до того, как эти меры получили законодательное оформление и нашли применение на других участках российского пограничного периметра.

В эволюции пограничной политики КНДР есть немало сходного с эволюцией российской пограничной политики. Это не удивительно, учитывая их "родственное" историческое происхождение, наличие общего международно-политического контекста и взаимную сопряженность их объектов – трансграничных отношений. И тем не менее, черты сходства не могут сгладить значительного своеобразия пограничной политики КНДР, обусловленного спецификой самого северокорейского общества.

В истории пограничной политики КНДР также присутствовал свой "реликтовый" период. В 1990–1994 гг. курс северокорейской пограничной политики оставался в высокой степени консервативным: довольно узкие по своей географической и отраслевой структуре внешнеэкономические связи находились в ведении ряда крупных государственных организаций, которые управляли ими административными методами под жестким контролем правительства. Консерватизм, впрочем, не означал отсутствия всякого развития. Напротив, нараставшие проблемы в экономике толкали руководство страны к различным новациям в пограничной политике с 1970-х гг. [16, с. 9–10]. Того же требовали и рыночные преобразования, развернувшиеся сначала в соседнем Китае, а затем в СССР/РФ. Однако до 1994 г. предпринимавшиеся Пхеньяном реформы были скорее точечными, чем системными.

Для того, чтобы в управлении трансграничными связями КНДР произошли действительно крупные изменения, понадобился мощный шок. Таким шоком для уже давно деградировавшей северокорейской экономики стали стихийные бедствия 1994–1996 гг. Дезорганизовав систему государственного распределения продовольствия и вызвав массовый голод, они вынудили власти пойти на чрезвычайные меры, фактически открывшие дорогу формированию теневого рынка. Частью этих мер явилось открытие для негосударственных акторов и сферы внешнеэкономической деятельности [11, с. 95; 16, с. 4–7].

Новый курс в управлении внешними связями, к которому пришлось перейти КНДР, по аналогии с рассмотренным выше периодом в истории российской пограничной политики, можно назвать "параллельным сотрудниче-

⁵ Адресатами закона были Россия, Иран и КНДР.

ством". Он также предполагал двухуровневую организацию отношений, на "верхнем", официальном этапе которых были сосредоточены крупные акторы, работавшие в основном в институционализированном, юридически регламентированном поле, а на "нижнем", неформальном этапе – акторы меньшего масштаба, действовавшие преимущественно в сетях из вне- или нелегальных договоренностей. Вместе с тем, политика "параллельного сотрудничества" по-северокорейски имела (и имеет) важные особенности. Во-первых, в системе социалистического типа официальными участниками трансграничного сотрудничества могли быть лишь организации государственной формы собственности. (В России акторами этого уровня выступали компании частного типа или с государственным участием). Во-вторых, в КНДР акторы, действующие на неформальном уровне, были лишены какого-либо правового статуса, т.е. являлись в полной мере "теневыми". (В российском случае неформальные трансграничные практики вполне могли сочетаться с наличием у их участников регистрации и определенной правовой формы). В-третьих, неформальные трансграничные акторы в КНДР обычно плотно встроены в структуру государственных организаций и в высокой степени контролируются органами власти. (В России связи между акторами разного уровня, как правило, слабы, а реальный контроль государства над участниками неформальной экономической деятельности незначителен).

Хронологические рамки северокорейской политики "параллельного сотрудничества" условно очерчиваются периодом с 1995 по 2024 гг. Судя по всему, этот период не был совершенно однородным, но недостаток информации не позволяет провести его четкую внутреннюю дифференциацию. Так или иначе, резких изменений в пограничной политике КНДР в этом временном интервале не наблюдалось. Скорее можно говорить о медленной и не вполне последовательной эволюции этой политики в направлении расширения возможностей негосударственных акторов трансграничных отношений.

Первоначально, в наиболее тяжелые годы экономического кризиса в КНДР, политика "параллельного сотрудничества" имела в основном "попустительский" характер. Органы власти по сути "закрывали глаза" на неформальную трансграничную деятельность, предоставляя гражданам самим находить способы выживания в сложившихся условиях [16, с. 11]. Такого рода попустительство было возможным в том числе ввиду мелкого масштаба и малой прибыльности подобной деятельности.

По мере восстановления северокорейской экономики к концу 1990-х – началу 2000-х гг. плотность государственного контроля над неформальным уровнем трансграничных отношений и степень его упорядоченности постепенно повышались. Вместе с тем, государство открывало перед негосударственными акторами новые экономические возможности. В результате реформ 2002–2003 гг. в КНДР была фактически разрешена частная торговля, повышена самостоятельность госпредприятий и расширена сфера приложения иностранных инвестиций [2, с. 231, 242; 11, с. 95]. Поскольку продукция госпредприятий на внешнем рынке, как правило, оказывалась неконкурентоспособной, а интерес иностранных, в т.ч. российских, инвесторов к Северной Корее был недостаточно высок [21, с. 427–430], главной движущей силой внешнеэкономических связей КНДР продолжали оставаться их неформальные участники, мелкие частные предприниматели. На российском направлении их активность сосредотачивалась, прежде всего, в области трудовой миграции и челночной торговли.

Осуществлять контроль над неформальными акторами и в определенной мере управление ими властям КНДР позволяет сложившаяся уже в 2000-е гг. своеобразная система кооперации между официальными участниками трансграничных отношений и разного рода "частниками". В ее рамках государственные предприятия и организации, обладающие лицензиями на внешнеэкономическую деятельность, создают на территории другой страны необходимую правовую, институциональную и финансовую инфраструктуру, заключая соглашения и контракты, учреждая представительства, дочерние компании, совместные предприятия и т.д. На базе этой инфраструктуры свою неформальную рыночную активность в принимающей стране разворачивают "частники", действующие индивидуально, в формате рабочих бригад или даже зарегистрированных фирм. Формально входя в состав государственных

организаций, фактически такие акторы могут действовать весьма самостоятельно и инициативно⁶. При этом за предоставленные возможности, защиту и покровительство они несут перед государством фискальную ответственность, передавая большую часть выручки курирующей организации [2, с. 240–241; 16, с. 9–10; 28, р. 164–170].

Осознавая трудности реализации крупных проектов, требующих больших вложений и сопряженных с возможными международными осложнениями, основную ставку руководство КНДР делает на налаживание отношений с субнациональными контрагентами. Еще во второй половине 1990-х гг. оно приступило к подписанию соглашений о сотрудничестве с властями регионов и городов РДВ. Кроме того, правительство КНДР поощряет установление взаимных горизонтальных (в т.ч. побратимских) связей регионов, муниципалитетов, предприятий и организаций двух стран [20, с. 106–107]. Эта парадипломатия также формирует благоприятную политико-правовую среду для развития средних, малых и индивидуальных форм трансграничного бизнеса.

В 2012–2015 гг., в ходе очередного раунда экономических реформ в КНДР, число госпредприятий, допущенных к участию во внешнеэкономической деятельности, значительно увеличилось, а их права в этой сфере были расширены. При этом государство не пошло на легализацию фактически существующего в стране частного бизнеса [2, с. 231–237]. Таким образом, частное предпринимательство в КНДР по-прежнему могло развиваться только в рамках теневого, неформального сектора, функционирующего в тесной кооперации с официальной экономикой. В управлении трансграничными отношениями это означало продолжение политики "параллельного сотрудничества". Судя по всему, ключевыми факторами сохранения этого курса были не спадающая международная напряженность вокруг КНДР и ужесточение санкционного режима.

Негосударственные участники российско-северокорейских отношений

Параллельная, двухуровневая организация трансграничных отношений между Россией и КНДР проявляла себя не только в различной степени их нормативно-правовой формализации на каждом из уровней. Акторы, действовавшие на официальном (прежде всего, крупные компании) и неформальном (в первую очередь, средней, малый бизнес и население) уровнях, играли различную роль в общей динамике этих отношений и по-разному реагировали на политику государств. Кроме того, помимо уровневых различий, в поведении и взаимодействии участников трансграничных отношений присутствовали и национальные особенности, обусловленные не только спецификой политик двух стран, но и социокультурными факторами.

В правительственной риторике РФ и КНДР именно крупным компаниям обычно отводится роль лидеров, локомотивов двустороннего сотрудничества. Впрочем, с российской стороны вовлечение в это сотрудничество крупного бизнеса началось в основном лишь в 2000-е гг., под прямым влиянием изменений в межправительственных отношениях. В это время объективная и имиджевая привлекательность КНДР для российских компаний была крайне низкой. Дефицит рыночной мотивации в таких условиях мог быть восполнен только специальными стимулами, создаваемыми государством. Поэтому активизация крупного бизнеса на северокорейском направлении шла рука об руку с укреплением его связей с государственными структурами, с появлением у последних эффективных административных и налоговых рычагов воздействия на первый. Результатом работы этих рычагов было то, что компании, сотрудничавшие с КНДР, как правило, одновременно выступали в двух ипостасях – рыночных игроков и агентов государственной власти.

В 2001–2013 гг. развитие торговых и инвестиционных связей с КНДР планировали десятки российских корпораций. Однако реализация этих планов натолкнулась на целый ряд препятствий, включая низкое качество товаров из КНДР, неплатежеспособность северокорейских партнеров и частое невыполнение ими своих обязательств. Кроме того, властям двух стран долгое время не удавалось решить проблему кредитной поддержки сотрудничества и предоставления банковских гарантий [21, с. 427–432]. Сильный удар по

⁶ В пределах политически установленных приоритетов и запретов.

активности корпоративного сектора был нанесен введением с 2013 г. серии дополнительных, финансовых и торговых, международных санкций.

В итоге постепенного сужения круга крупных компаний, сотрудничающих с Северной Кореей, к концу 2010-х гг. единственным российским корпоративным инвестором в эту страну осталось ОАО "РЖД". Устойчивость связей РЖД с КНДР с очевидностью обусловлена высокой степенью государственного участия в управлении этой компанией и явным преобладанием в нем стратегического целеполагания над рыночными интересами. Если судить по динамике экспорта России (*рис. 1*), рост активности крупного российского бизнеса на северо-корейском направлении прекратился еще во второй половине 2000-х гг. Впрочем, следует учитывать, что официальная статистика двусторонней торговли существенно неполна и не включает в себя экспорт России, идущий в КНДР через третьи страны [29, p. 4].

С формальной точки зрения, крупные северо-корейские компании, участвующие в отношениях с Россией, не могут считаться негосударственными акторами. Однако, принимая во внимание сложность их структуры и интересов, оперативную самостоятельность и самокупаемость, их можно рассматривать в качестве "псевдогосударственных" или государственно-частных субъектов [16, с. 7–12], во многом сопоставимых в этом плане с российскими корпорациями с государственным участием.

В 1990-е гг. государственная промышленность КНДР попала в крайне тяжелое положение. Накопленная технико-технологическая отсталость, дефицит финансовых ресурсов, сокращение поставок сырья и не уменьшавшееся бремя оборонного строительства угрожали ей полным коллапсом. В этой ситуации способом адаптации для многих госпредприятий (с молчаливого одобрения властей) стал поиск внешних, трансграничных источников выживания. Поскольку развитию товарной торговли препятствовала низкая конкурентоспособность северо-корейской продукции, а привлечение иностранных инвесторов сдерживалось высокими издержками и рисками, доминирующее место во внешнеэкономической деятельности предприятий со второй половины 1990-х гг. занял вывоз рабочей силы.

Северо-корейские компании, добившиеся успеха в экспорте рабочей силы в Россию, в 2000-е гг. эволюционировали в сложноорганизованные зонтичные структуры, замыкающие на себя работу большого числа связанных с ними бизнесов. На территории КНДР подобные компании осуществляли набор и подготовку работников определенной специальности. Крупными партиями по контрактам (через представительства или напрямую) эти работники направлялись в Россию, в дочерние компании, на совместные или российские предприятия. При этом зачастую прямые получатели рабочей силы в России были лишь промежуточным звеном, посредниками в этой экономической цепочке. Официально трудоустроенные на них рабочие из КНДР более мелкими партиями или по одиночке могли переходить к другим работодателям, уже без соблюдения каких-либо формальностей, нередко на основе устных договоренностей. Компании-отправители трудовых мигрантов и, в конечном счете, власти КНДР были заинтересованы в существовании такой многоступенчатой, разветвленной и полуполюгальной сети трудовых отношений, т.к. она обеспечивала более интенсивное использование рабочей силы и больший объем поступлений от него в государственный бюджет. По оценкам экспертов, фиксированные выплаты трудовых мигрантов, работавших в России, в пользу государства могли достигать в 2005–2015 гг. 200 млн. долл. в год, что значительно превышало стоимость северо-корейского экспорта товаров в Россию [1, с. 239; 15, с. 209–221; 28, p. 168]. Следует отметить, что данная система экспорта рабочей силы могла функционировать лишь при содействии представителей миграционных и правоохранительных органов и местных администраций принимающей страны, для которых она стала постоянным источником незаконной ренты [22, с. 83–89]⁷.

По мнению многих исследователей, доходы от трудовой миграции направляются северо-корейским режимом на покрытие дефицита внешней тор-

⁷ С административным взяточничеством организация трудовой миграции связана и на территории КНДР, однако с этой стороны границы ее основным бенефициаром выступает государственная казна.

говли и военных расходов. Однако, по-видимому, уже в 2000-е гг. некоторую часть от этих доходов правительство КНДР оставляло в распоряжении компаний, организующих миграцию, в целях инвестирования в России. Именно такого рода инвестициями может быть обусловлено быстрое увеличение числа предприятий с северокорейским капиталом в России с середины 2000-х гг. [10, с. 115; 14, с. 64]. Судя по всему, отдача от реинвестирования доходов от экспорта рабочей силы в новые бизнесы в России оправдывала такие изменения в деятельности северокорейских компаний.

Здесь следует упомянуть о характерной для КНДР в последние годы тенденции формирования т.н. "протоцеболей" – крупных централизованных многоотраслевых компаний, претендующих на роль флагманов экономики страны. Успешные экспортеры рабочей силы имеют все шансы для развития по этому пути. Тесно связанные с внешним рынком, консолидирующие значительные человеческие и финансовые ресурсы, соединяющие в своей структуре принципы иерархической и сетевой организации, они в обозримом будущем (при благоприятных условиях) могут стать основой для создания северокорейских ТНК⁸. По-видимому, такой сценарий вполне соответствует планам правительства КНДР.

Поведение российских и северокорейских участников трансграничных отношений на неформальном уровне было во многом сходно с особенностями их активности на уровне официальном. Как и крупные компании, российский малый и средний бизнес не смог обеспечить себе сколько-нибудь заметного присутствия в экономике КНДР. Хотя для предприятий РДВ, в особенности Приморского края, рынок КНДР, безусловно, представлял большой интерес, отсутствие государственной поддержки и содействия со стороны крупного бизнеса не позволили им до конца 2010-х гг. закрепиться на этом рынке. Во взаимодействии с северными корейцами, происходившем в основном на территории России, небольшие российские предприятия (не говоря уже о населении) выступали более пассивной, ведомой стороной. Пространственная асимметрия трансграничных отношений на неформальном уровне была выражена еще сильнее, чем на официальном⁹, что неизбежно должно было привести и к большему неравенству в распределении выгод от сотрудничества.

Участие российского малого и среднего бизнеса, а также населения (в особенности регионов РДВ) в социально-экономических отношениях с КНДР сводилось к найму иностранных работников (*рис. 2*), организацию труда которых они контролировали, как правило, в минимальной степени. Их роль в качестве поставщиков товаров и услуг и источника инвестиций в двусторонних связях была в целом незначительной. Некоторый рост торговой активности дальневосточного, прежде всего, приморского, бизнеса на северокорейском направлении наметился лишь в 2010-е гг. (*рис. 1*). Такое инертное поведение российских контрагентов вполне устраивало северокорейскую сторону, заинтересованную в возможно более непосредственном доступе к необходимым ей ресурсам. Распространенным способом избавления от ненужных посредников в этих условиях стало создание фирм, зарегистрированных на граждан РФ, но фактически управляемых выходцами из соседней страны.

Низкая активность российских акторов неформального уровня во многом объяснялась позицией, занятой государством. На протяжении большей части постсоветского периода региональный малый бизнес, в особенности (в силу приграничного положения) имевший внешнеэкономические интересы, являлся объектом систематического административного и фискального прессинга. На РДВ эта политика, проводившаяся в целях "декриминализации" и "борьбы с коррупцией", была сфокусирована, прежде всего, на трансграничной "серой" и челночной торговле [6, с. 336–346]. Ее реализация привела к концу 2000-х гг. не столько к "обелению", легализации неформальных трансграничных операций, сколько к падению их объемов. Отход российского правительства от стратегии подавления неформальной экономики наметил-

⁸ Одним из наиболее вероятных кандидатов в "цеболы" является компания "Рыннадо", специализировавшаяся ранее в сфере трудовой миграции [1, с. 235–237].

⁹ Число трудовых мигрантов из России в КНДР (по-видимому, технических специалистов) не превышало нескольких сотен человек в год.

ся лишь в конце 2010-х гг. под влиянием усиления антироссийских санкций, главной жертвой которых стали крупные публичные компании.

Правительство КНДР, как уже отмечалось, отказалось от репрессивной политики в отношении неформальных участников трансграничных отношений еще в середине 1990-х гг. Выстроенная им система кооперационных отношений между государством, госпредприятиями и теневым малым бизнесом базировалась на представлении, что последний является не угрозой, но важным фактором развития экономики страны.

В обмен на регулярные фиксированные выплаты и сохранение лояльности режиму правительство и представляющие его интересы госпредприятия де-факто предоставили гражданам КНДР широкую свободу трансграничной экономической деятельности. Первоначально эта свобода распространялась на трудоустройство за рубежом и выражалась в возможности самостоятельного поиска работодателя и определении, по соглашению с ним, условий, организации и оплаты труда. Решение этих вопросов вскоре сосредоточилось в руках формально занятых на госпредприятиях (в их представительствах, филиалах), но фактически в той или иной мере независимых предпринимателей ("бригадиров", "капитанов"), выполнявших функции менеджеров в отношении северокорейских рабочих и брокеров-посредников во взаимодействии с российскими работодателями и административными структурами. Кроме того, государство дало возможность трудовым мигрантам ввозить в страну заработанную наличную валюту и приобретенные на нее товары. Ввезенная валюта и средства от продажи на внутреннем рынке российских товаров позволяли части мигрантов создавать в КНДР свои малые предприятия [15, с. 214–215; 22, с. 83–87].

В начале 2000-х гг. расширение свободы трансграничного предпринимательства охватило и производственную деятельность. Для прослойки неформальных предпринимателей, накопивших капитал и связи в сфере экспорта рабочей силы, стала доступна регистрация своих фирм на территории России. В результате число северокорейских предприятий начало быстро расти. Если еще в первой половине 2000-х гг. даже в приграничных регионах РДВ они были единичны [9, с. 68], то к 2018 г. в России их насчитывалось до 300¹⁰. При этом лишь 15% от зарегистрированных в России к 2018 г. северокорейских компаний (в основном средних и малых) были учреждены предприятиями из КНДР, тогда как остальные принадлежали частным лицам. Подавляющая часть из 300 компаний были основаны на северокорейском капитале, и только около 10% имели форму совместных предприятий [18].

За 2000-е – 2010-е гг. северокорейский бизнес в России достиг значительной отраслевой и географической диверсификации. Времена, когда граждане КНДР были заняты преимущественно в лесной отрасли, остались в прошлом. К концу 2010-х гг. ведущей сферой их деятельности в России стало строительство. Кроме того, северокорейские предприятия присутствуют в таких отраслях как торговля, общественное питание, легкая и обрабатывающая промышленность, сельское хозяйство и медицина. Хотя юг РДВ по-прежнему имеет для предпринимателей из КНДР важное значение (только в Приморском крае зарегистрировано 70 из 300 северокорейских компаний), их фирмы размещены во многих регионах Сибири и европейской части России, а лидером по их количеству выступают Москва и Московская область [18].

Безусловно, степень контроля властей КНДР над активностью северокорейского малого и среднего бизнеса в России не следует преувеличивать. С управленческой точки зрения сеть этого бизнеса высоко децентрализована, а финансовая поддержка ее со стороны правительства (в виде разрешений на реинвестирование части прибыли), судя по всему, невелика. Более того, часть неформальной северокорейской экономики в России является для властей КНДР ненаблюдаемой или прямо криминальной, и в своем развитии от их действий практически не зависит. Тем не менее, без учета пограничной политики Пхеньяна объяснить широкую экспансию северокорейского бизнеса на российскую территорию было бы трудно. Выраженная асимметрия трансграничных отношений двух стран на неформальном уровне свидетельствует

¹⁰ В 2019–2022 гг. миграционные санкции и пандемийная самоизоляция КНДР уменьшили количество этих предприятий.

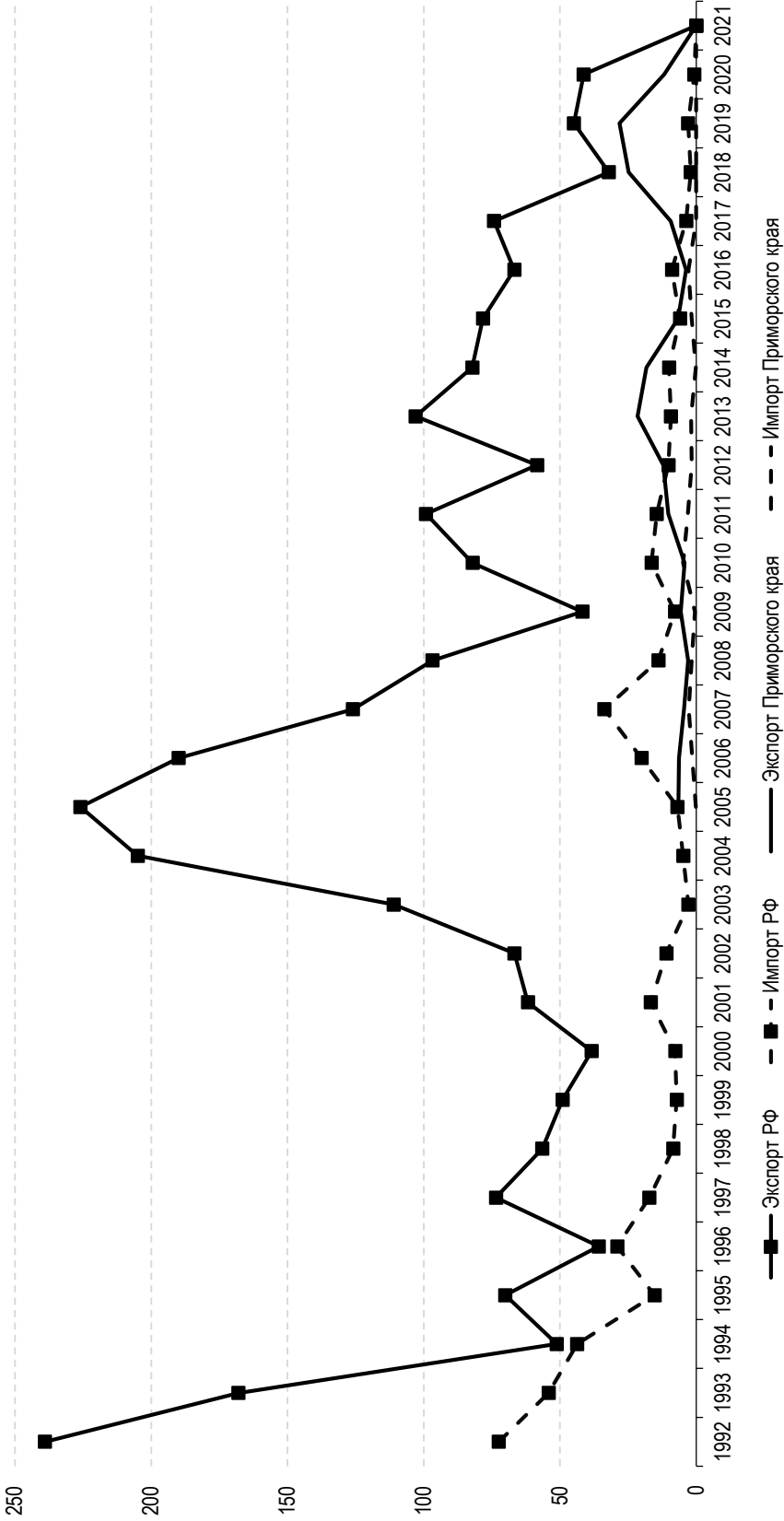

Рис. 1. Динамика торговли России и Приморского края с КНДР (1992–2021 гг.), в млн долл.
 Fig. 1. Dynamics of Russia and Primorsky Territory trade with the DPRK (1992–2021), in million dollars.
 Источник: [5; 25].
 Source: [5; 25].

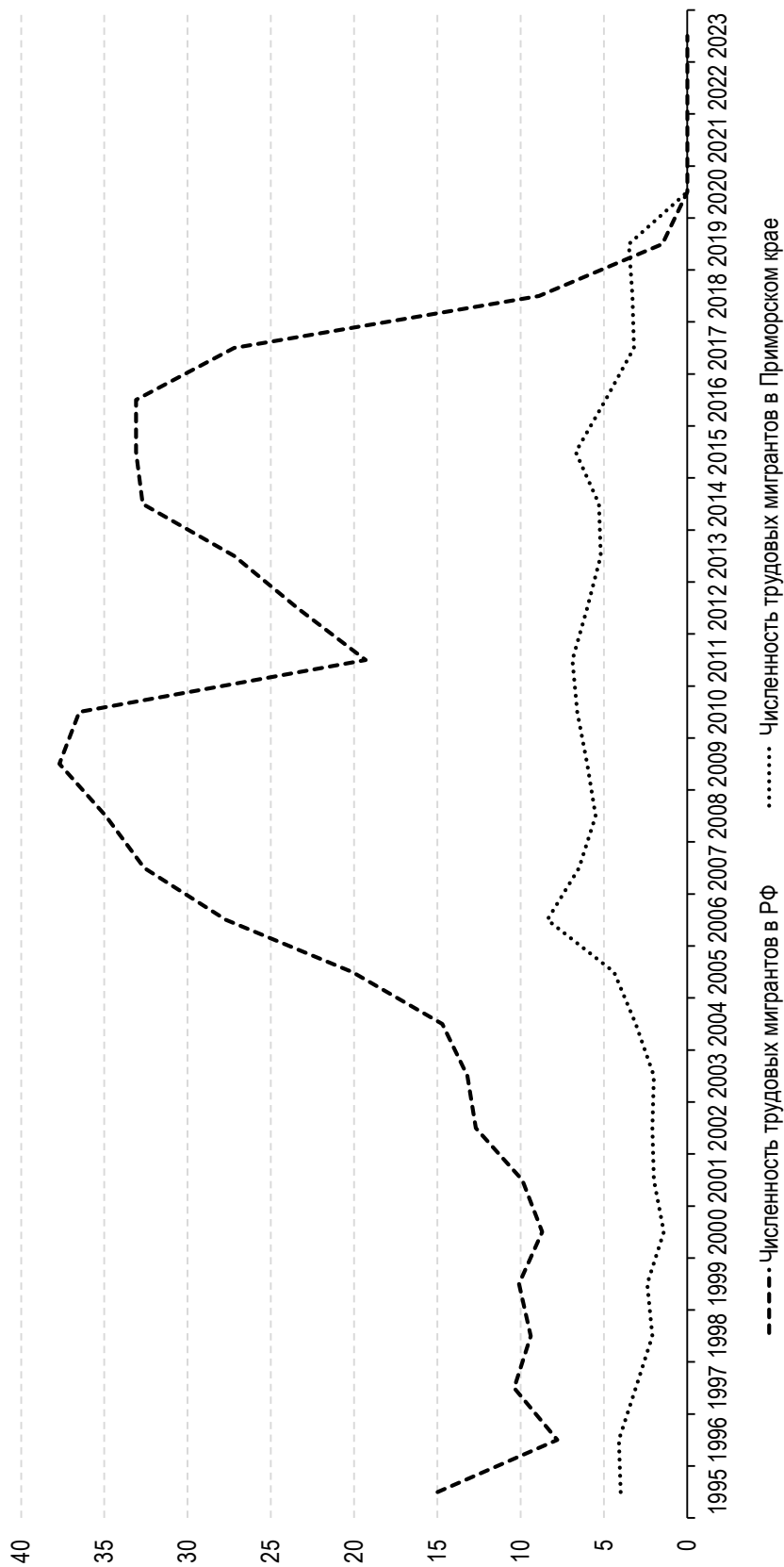

Рис. 2. Динамика трудовой миграции из КНДР в Россию и Приморский край (1995–2023 гг.), в тыс. чел. (данные УМВД по Приморскому краю).
 Источник: [4, с. 219; 7; 8; 12, с. 38; 13, с. 214; 25]. Примечание: численность мигрантов с разрешениями на работу в течение года (за 2011–2013 и 2019 гг. в РФ – на конец года).
 Fig. 2. Dynamics of labor migration from the DPRK to Russia and Primorsky Territory (1995–2023), in thousands of people.
 (data from Department of the Ministry of Internal Affairs for Primorsky Territory).
 Source: [4, p. 219; 7; 8; 12, p. 38; 13, p. 214; 25]

о том, что модель взаимодействия между государством и негосударственными акторами этого уровня, реализованная со стороны КНДР, оказалась существенно более эффективной.

Заключение

Результаты анализа особенностей взаимодействия государств и негосударственных акторов в структуре отношений России и КНДР изучаемого периода можно свести к нескольким обобщающим тезисам:

1) После реанимации межгосударственных контактов с Пхеньяном в середине 1990-х гг. пограничная политика России характеризовалась чередованием попыток стимулирования сотрудничества с соседом на корпоративном уровне и всплесков озабоченности по поводу исходящих с его стороны угроз международной и внутренней безопасности. Лишь с конца 2010-х гг. антироссийские санкции и внешнеэкономический разворот на Восток стали побуждать Москву к выстраиванию более комплексной, многоуровневой структуры отношений с КНДР;

2) Критическое состояние экономики КНДР вынудило ее руководство принять меры к дебарьеризации и интенсификации своих социально-экономических отношений с внешним окружением (прежде всего, Китаем и Россией) значительно раньше – уже во второй половине 1990-х гг. В результате в 2000-е гг. сформировалась гибкая система разноуровневых акторов этих отношений – от крупных "псевдогосударственных" компаний до индивидуальных "частников", – связанных вертикальной и горизонтальной кооперацией, функционирующая под общим контролем и стратегическим управлением государства;

3) Эффект от привлечения правительством РФ (с начала 2000-х гг.) к сотрудничеству с КНДР корпоративного бизнеса оказался в целом незначительным. Высокие экономические, политические, а затем и международно-политические (санкционные) издержки и риски стали непреодолимым барьером для большинства крупных публичных компаний, планировавших торговую и инвестиционную деятельность на этом направлении;

4) Внешнеэкономические возможности крупных северокорейских предприятий были жестко лимитированы их технико-технологической отсталостью, недостатком валютных средств и санкционными ограничениями. Обойти эти препятствия госкомпаниям КНДР позволили специализация на экспорте рабочей силы и налаживание связей с появившимися в сфере трансграничных отношений со второй половины 1990-х гг. частными предпринимателями;

5) В структуре трансграничных отношений с КНДР средний и малый бизнес и население приграничных регионов России играют малоактивную и в целом несущественную роль. Ключевым фактором этого является длительная история административного и фискального подавления трансграничной деятельности, которая рассматривалась государством прежде всего в ракурсе правопорядка и национальной безопасности;

6) С северокорейской стороны неформальные участники трансграничных отношений стали их главной движущей силой. Возникнув в среде мигрантов, занятых на лесозаготовительных предприятиях юга РДВ, северокорейское трансграничное предпринимательство в России эволюционировало в обширную сеть частично легализованных бизнесов с разветвленной географической и отраслевой структурой. Его быстрое развитие было во многом обусловлено покровительством и поддержкой властей КНДР, видевших в неформальной экономике важный источник пополнения бюджета и инструмент преодоления международных санкций.

Более высокая эффективность пограничной политики КНДР в продвижении своих интересов в отношениях с Россией сама по себе, конечно, не делает ее образцом для подражания. Северокорейская модель развития трансграничных отношений глубоко специфична. Она возникла в условиях вождистского авторитарного режима и бедного, в значительной мере ещё аграрного, общества с сильными коллективистскими традициями. Сложившаяся в КНДР смешанная, "квазикапиталистическая" экономика соединяет в себе интенсивную эксплуатацию наемных работников с изъятием львиной доли произведенного продукта в пользу государства. Тем не менее, КНДР удалось создать высоко интегрированную экономическую систему, которая

благодаря тесным связям между государственными и частными, официальными и неформальными акторами разного типа, максимально полно использует свой объективно ограниченный потенциал. В исключительно неблагоприятной международной обстановке эта система даёт стране возможность не только выживать, но и активно развиваться, осваивая внешние рынки. С этой точки зрения, для российских властей, делающих первые осторожные шаги в направлении превращения неформальных трансграничных практик малого и среднего бизнеса в инструмент контрсанкционной политики, опыт Северной Кореи в данной сфере представляет несомненный интерес.

Литература / References

1. Асмолов К. В., Захарова Л. В. Отношения России с КНДР в XXI веке: итоги двадцатилетия // Вестник РУДН. Международные отношения. 2020. № 3. С. 585–604.
Asmolv K. V., Zakharova L. V. Russia's Relations with the DPRK in the 21st Century: Results of Twenty Years // Bulletin of RUDN. International Relations. 2020. No. 3. P. 585–604. (In Russ.).
2. Асмолов К. В., Захарова Л. В. Современная Северная Корея: первое десятилетие эпохи Ким Чен Ына (2012–2021): монография. М.: ИККА РАН, 2022. 440 с.
Asmolv K. V., Zakharova L. V. Modern North Korea: The First Decade of the Kim Jong-un Era (2012–2021): Monograph. Moscow: ICMA RAS, 2022. 440 p. (In Russ.).
3. Бардаль А. Б., Демьяненко А. Н., Дёмина О. В., Дёмина Я. В., Ломакина Н. В., Минакир П. А. К вопросу о трёхстороннем экономическом сотрудничестве Республики Корея, КНДР и России // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 6. С. 18–36.
Bardal A. B., Demyanenko A. N., Demina O. V., Demina Ya. V., Lomakina N. V., Minakir P. A. On the Issue of Trilateral Economic Cooperation between the Republic of Korea, the DPRK, and Russia // Regionalistics. 2018. Vol. 5. No. 6. P. 18–36. (In Russ.).
4. Ващук А. С. Трудовые мигранты из КНДР на Дальнем Востоке России в 2007–2017 гг. // Миграционные процессы и их влияние на демографическое и социально-экономическое развитие Дальнего Востока: Сб. трудов конф. 4–5 июня 2018 г. Владивосток: ДВФУ, 2018. С. 216–221.
Vashchuk A. S. Labor migrants from the DPRK in the Russian Far East in 2007–2017 // Migration processes and their impact on the demographic and socio-economic development of the Far East: Coll. of conf. June 4–5, 2018. Vladivostok: FEPU, 2018. P. 216–221. (In Russ.).
5. Внешняя торговля субъектов РФ ДФО // Дальневосточное таможенное управление ФТС. URL: <https://dvtu.customs.gov.ru/statistic> (дата обращения: 15.09.2024).
Foreign trade of the constituent entities of the Russian Federation Far Eastern Federal District // Far Eastern Customs Administration of the FCS. URL: <https://dvtu.customs.gov.ru/statistic> (accessed 15.09.2024). (In Russ.).
6. Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Владивосток: Дальнаука; Изд-во ВГУЭС, 2010. 626 с.
Geopolitical potential of cross-border cooperation of the countries of the Asia-Pacific region. Vladivostok: Dalnauka; VSUES, 2010. 626 p.
7. ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/> (дата обращения: 12.09.2024).
Unified interdepartmental information and statistical system. URL: <https://www.fedstat.ru/> (accessed 12.09.2024) (In Russ.).
8. Забровская Л. В. КНДР – Россия – РК: обмен трудовыми ресурсами // Демоскоп Weekly. 2008. № 333–334. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0333/analit04.php> (дата обращения: 11.09.2023).
Zabrovskaya L. V. DPRK – Russia – RK: labor resource exchange // Demoscope Weekly. 2008. No. 333–334. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0333/analit04.php> (accessed 11.09.2023). (In Russ.).
9. Забровская Л. В. Трудовая миграция из КНДР в Россию (середина 1940-х – 2003 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2005. № 5. С. 62–72.
Zabrovskaya L. V. Labor migration from the DPRK to Russia (mid-1940s – 2003) // Problemy Dalnego Vostoka. 2005. No. 5. P. 62–72. (In Russ.).
10. Забровская Л. В. Экономические связи российского Дальнего Востока с корейскими государствами // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 11. С. 114–116.
Zabrovskaya L. V. Economic ties of the Russian Far East with the Korean states // World Economy and International Relations. 2019. Vol. 63. No. 11. P. 114–116. (In Russ.).
11. Захарова Л. В. Современная экономика КНДР и перспективы ее трансформации // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 2. С. 91–103.
Zakharova L. V. The modern economy of the DPRK and the prospects for its transformation // Problemy Dalnego Vostoka. 2019. No. 2. P. 91–103. (In Russ.).
12. Ивашина Н. В. Анализ трудовой миграции в Приморском крае // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2016. № 7 (289). С. 32–41.

- Ivashina N. V. Analysis of labor migration in Primorsky Krai // *Financial analytics: problems and solutions*. 2016. No. 7 (289). P. 32–41. (In Russ.).
13. Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX – начало XXI в.). Кн. 2 / А. С. Ващук, А. В. Друзяка, Е. Н. Чернолуцкая [и др.]. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. 224 с.
Historical problems of socio-political security of the Russian Far East (second half of the 20th – early 21st century). Book 2 / A. S. Vashchuk, A. V. Druzyaka, E. N. Chernolutskaya [et al.]. Vladivostok: IHE FEB RAS, 2014. 224 p. (In Russ.).
 14. Кукла М. П. Реалии и перспективы экономического сотрудничества России и КНДР // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2017. № 2. С. 61–71.
Kukla M. P. Realities and Prospects of Economic Cooperation between Russia and the DPRK // *Ojkumena. Regional Researches*. 2017. No. 2. P. 61–71. (In Russ.).
 15. Ланьков А. Н. Северокорейские рабочие в России: критерии отбора и мотивация работников // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. 2020. Т. 13. Вып. 2. С. 206–224.
Lankov A. N. North Korean Workers in Russia: Selection Criteria and Employee Motivation // *Bulletin of St. Petersburg University. International Relations*. 2020. Vol. 13. Issue 2. P. 206–224. (In Russ.).
 16. Ланьков А. Возрождение рыночной экономики в Северной Корее. М.: Московский Центр Карнеги, 2015. 17 с.
Lankov A. Revival of the Market Economy in North Korea. Moscow: Carnegie Moscow Center, 2015. 17 p. (In Russ.).
 17. Лешаков П. С., Соловьёв А. В. Сердечно, но мучительно // *Россия в глобальной политике*. 2023. Т. 21. № 2. С. 184–196.
Leshakov P. S., Solovoyov A. V. Warmly, but Painfully // *Russia in Global Politics*. 2023. Vol. 21. No. 2. P. 184–196. (In Russ.).
 18. Напалкова А. "Работа мечты": чем занимаются рабочие из КНДР в России. 12.02.2018 // *BBC News. Русская служба*. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-42989901> (дата обращения: 11.09.2024).
Napalkova A. "Dream Job": What Do DPRK Workers Do in Russia? 12.02.2018 // *BBC News. Russian Service*. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-42989901> (accessed 11.09.2024) (In Russ.).
 19. Нормативно-правовая база // Посольство РФ в КНДР. URL: https://dprk.mid.ru/ru/countries/normativno_pravovaya_baza/ (дата обращения: 18.09.2024).
Regulatory Framework // Embassy of the Russian Federation in the DPRK. URL: https://dprk.mid.ru/ru/countries/normativno_pravovaya_baza/ (accessed 18.09.2024). (In Russ.).
 20. Приграничное сотрудничество вдоль государственной границы России. Часть 1 / под ред. А. П. Клемешева, Я. А. Ворожеиной, И. С. Гуменюка, Г. М. Федорова. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2021. 213 с.
Cross-Border Cooperation along the State Border of Russia. Part 1 / ed. A. P. Klemeshev, Ya. A. Vorozheina, I. S. Gumenyuk, G. M. Fedorov. Kaliningrad: I. Kant Baltic Federal University, 2021. 213 p. (In Russ.).
 21. Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе: перспективы интеграции. В 2 кн. Кн. 2 / под ред. И. И. Меламеда. Владивосток: ДВФУ, 2011. 740 с.
Russia in the Asia-Pacific Region: Integration Prospects. In 2 books. Book 2 / ed. by I. I. Melamed. Vladivostok: FEFU, 2011. 740 p. (In Russ.).
 22. Тимошкин Д. О., Волошин А. А. Как неформальные посредники в строительной индустрии влияют на включение трансграничных мигрантов в теневой рынок труда // *Экономическая социология*. 2023. № 4. С. 74–97.
Timoshkin D. O., Voloshin A. A. How Informal Intermediaries in the Construction Industry Affect the Inclusion of Cross-Border Migrants in the Shadow Labor Market // *Economic Sociology*. 2023. No. 4. P. 74–97. (In Russ.).
 23. Толорая Г. Д., Коргун И. А., Горбачева В. О. Санкции в отношении КНДР: анализ последствий и уроки. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2020. 46 с.
Toloraya G. D., Korgun I. A., Gorbacheva V. O. Sanctions against the DPRK: Analysis of Consequences and Lessons. Research report. Moscow: IE RAS, 2020. 46 p. (In Russ.).
 24. Троякова Т. Г. Рабочая сила из КНДР на российском Дальнем Востоке: история и современное состояние // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2017. № 2. С. 84–85.
Troiyakova T. G. Labor force from the DPRK in the Russian Far East: history and current state // *Ojkumena. Regional Researches*. 2017. No. 2. P. 84–85. (In Russ.).
 25. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 20.09.2024).
Federal State Statistics Service. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (accessed 20.09.2024). (In Russ.).
 26. Burghart S., Park D. & Zakharova L. The DPRK's economic exchanges with Russia and the EU since 2000: an analysis of institutional effects and the case of the Russian Far East // *Asia Europe Journal*. 2020. Vol. 18(3). P. 281–303.
 27. Golunov S. The Russian – North Korean Borderland: A Narrow Border of Boundless Ambition // *Border Briefings*. 2016. No. 1. 23 p.

28. Lankov A. N. North Korean Labor Export to the USSR/Russia // *Russia in Global Affairs*. 2020. № 3. P. 152–176.
29. Lukin A., Zakharova L. Russia – North Korea Economic Ties: Is There More Than Meets the Eye? // *Orbis*. 2018. Vol. 62. Issue 2. P. 244–261.

Информация об авторе

Антон Александрович Киреев, канд. полит. наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: antalkir@yandex.ru

Information about the author

Anton A. Kireev, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: antalkir@yandex.ru

Поступила в редакцию 20.10.2024

Received 20.10.2024

Одобрена после рецензирования 07.02.2025

Approved 07.02.2025

Принята к публикации 25.02.2025

Accepted 25.02.2025